

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ 1838–1848

Источник: П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. П. Дорофеева (Серия литературных мемуаров).

OCR: Слава Неверов slavanva(\$yandex.ru, февраль 2007.

I

...Я познакомился с Виссарионом Григорьевичем Белинским за год до моего отъезда за границу, именно осенью 1839 года. Он приехал тогда в Петербург для сотрудничества в "Отечественных записках", привезенный из Москвы И. И. Панаевым, и уже находился во втором или третьем периоде своего развития [082].

Известно, что Белинский выступил на литературное поприще статьей в "Молве" 1834 года, носившей заглавие "Литературные мечтания -- элегия в прозе". Это было обозрение русской словесности, обратившее на себя внимание бойкостью слова и характеристикой эпох и лиц, которая не имела никакого сходства с обычными и, так сказать, узаконенными определениями их в наших курсах словесности. Лирический тон статьи с философским оттенком, заимствованным от системы Шеллинга, сообщал ей особенную оригинальность. Все было тут молодо, смело, горячо, а также и исполнено промахов, сознанных и самим автором впоследствии; но все обличало возникновение каких-то новых требований мысли от русской литературы и русской жизни вообще. Старик Каченовский,-- вероятно, обольщенный свободными отношениями критика к авторитетам и частыми отступлениями его в область истории и философии, старый профессор, призвал тогда к себе Белинского,-- этого студента, еще не так давно исключенного из университета за малые способности, как говорилось в определении совета, жал ему горячо руку и говорил: "Мы так не думали, мы так не писали в наше время" [083]. Менее волнения, конечно, произвела статья в Петербурге, где уже созревали известные сатурналии только что основанной "Библиотеки для чтения", с ее глумлениями над наукой и над всяческими убеждениями; [084] но и здесь статья не прошла незамеченной мимо глаз. С этих пор именно Н. И. Греч, как человек, еще более других приличный в сонме литературных публицистов той эпохи, усвоил систему воззрения на Белинского, сравнительно еще благосклонную. Он высказывал ее потом не раз во всеуслышание: "Умный человек, но горький пьяница, и пишет свои статьи, не выходя из запоя". Белинский-пьяница был так же мыслим, как Лессинг на канате, или что-нибудь подобное. С тех же пор Ф. В. Булгарин, с своей стороны прозванный Белинского "бульдогом", начал свою, столь долго не прерываемую жалобу на извращение умов, свои чуть не 20-летние нападки на новый дух в литературе, грозящий лишить Россию, к стыду потомков и посрамлению перед Европою, всех ее умственных сокровищ [085].

Впрочем, как ни задорна была статья Белинского по своей форме, особенно для петербургских самозванных знаменитостей, в обличении и опозорении которых критик, по собственному признанию, находил *блаженство неизъяснимое, сладострастие безграничное*, но, собственно, она нисколько не потрясала ни одного из наших старых авторитетов и постоянно ко всем им относилась с величайшим энтузиазмом. Смелость заключалась не столько в исследовании, сколько в началах и принципах, высказанных критиком и предпосланных исследованию. Статья более грозила обличением людям и предметам, и только над очень немногими из них исполняла угрозу. Белинский еще не вносил ни малейшего раскола в тот молодой кружок, сформировавшийся в начале тридцатых годов, под сению Московского университета, из которого потом вышли самые замечательные личности последующих годов. Зародыши различных и противоборствующих мнений уже находились в нем, как легко убедиться из имен, составлявших его персонал (К. Аксаков, Станкевич и др.), но зародыши эти еще не приходили в брожение и таились до поры до времени за дружеским обменом мыслей, за общностью научных стремлений. Достаточно вспомнить, что К. С. Аксаков был тогда германизирующим философом, не менее Станкевича; П. Киреевский -- завзятым европейцем и западником, не уступавшим Т. Н. Грановскому; а последний, скоро присоединившийся к этому кругу, после сотрудничества своего в "Библиотеке для чтения" Сенковского, делил вместе со всеми ими поэтическое созерцание на прошлое и настоящее России. Белинский, который так много способствовал впоследствии к разложению круга на его составные части, к разграничению и определению партий, из него выделившихся, является на первых порах еще простым эхом всех мнений, суждений, приговоров, существовавших в недрах кружка и существовавших